

Борисов С.В. Феномен философствующего ребенка: перспективы исследования // Дети и общество: социальная реальность и новации. Сборник докладов Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: социальная реальность и новации». М.: РОС, 2014. С. 711-719.

ФЕНОМЕН ФИЛОСОФСТВУЮЩЕГО РЕБЕНКА: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Феномен философствующего ребенка» – это, пожалуй, одна из самых необычных тем, лежащих на стыке философии, культурологии, психологии и педагогики. Само словосочетание «философствующий ребенок» может вызвать множество вопросов и потребовать множество уточнений. Однако автор уверен, что обращение к этому феномену обогатит поле исследований всех вышеупомянутых научных дисциплин. С сожалением приходится констатировать господство в общественном сознании многих устоявшихся клише и штампов, которые не позволяют рассматривать серьезное философствование и мышление ребенка как сопоставимые понятия. Однако преодоление догм и предубеждений – одна из главных задач науки. Это обстоятельство дает автору право на неоднократное заявление подобной темы [2; 3; 4]. Стратегической целью статьи является привлечение внимания к рассматриваемому нами феномену для проведения в дальнейшем глубоких и всесторонних исследований в данной области.

Философствующий ребенок – это столь же многогранное явление, как и философия, и детство в целом. Первое, в чем видятся точки соприкосновения, это, с одной стороны, наивность детского вопрошания и интерпретации, а с другой, – метафизическая глубина поставленных вопросов и попытка рефлексии над ними, проявляющаяся в период детства. Элемент наивности в сочетании с глубиной обнаруживается и в самой философии. В этом плане философия предстает в культуре как своего рода «узаконенная наивность», а может даже, попытка дать обоснованный ответ на, казалось бы, детские вопросы. Данные вопросы называют вечными, для них не существует времени, а, следовательно, для них не может быть возрастных барьеров. В индивидуальной биографии человека период детства является универсальным средоточием всех оснований. Вполне резонно полагать, что именно в детстве наивное философствование будет проявлять себя более ярко, нежели в другие возрастные периоды, поскольку любое явление тем заметнее, чем ближе оно к своему истоку.

В качестве примеров наивного философствования проанализируем характерные детские высказывания, собранные К.И. Чуковским в книге «От двух до пяти» [8]. Философское удивление ребенка по поводу своего Я: «Мама, а кто раньше родился: ты или я?» Или: «Слушай, мама: когда я родился, откуда ты узнала, что я – Юрочка?» Ответы на эти вопросы не столь просты, как кажется. Ребенок ощущает себя центром мироздания, некой «осью» бытия, поэтому у него совсем иной «угол зрения», иная перспектива мира, нежели у взрослого. Осознание того, что окружающие его люди тоже, как и он, существуют «сами по себе» и «сами для себя» не может не удивлять его. Приведенные выше вопросы представляют собой первые попытки разобраться с этим новым мировосприятием.

Еще об особенностях детского мировосприятия. Обижают ребенка. Он угрожает: «Сейчас темно сделаю!» И закрывает глаза, убежденный, что весь мир погрузился во тьму. Кстати, именно так маленькие дети играют в прятки: отбегая от водящего на некоторое расстояние, они закрывают ладонями глаза, чувствуя себя в полной безопасности. При всей наивности подобных действий, ребенок последовательно реализует философский тезис «esse est percipi». Мы же, взрослые, не всегда можем

похвастаться такой интеллектуальной ответственностью, как и не можем гарантировать, что вообще есть что-то вне нашего восприятия или мысли.

Проблема причинности тоже начинает волновать детей довольно рано. Философское удивление у ребенка возникает, когда, задумываясь над этой проблемой, он сталкивается с «дурной бесконечностью». «А кто родил первую маму?» Или: «Кто будет хоронить последнего человека?» Хотим мы того, или нет, мир нам дан как феномен, сразу во всей своей сложности и во всем своем многообразии. Рациональный порядок приводит нас к осознанию «дурной бесконечности», преодоление которой возможно только в признании некоего нового качества как чего-то существовавшего и существующего везде и всегда. В данном примере с «человечеством» мы можем подразумевать только всех людей сразу, т.е. для человечества вообще нет ни «первых», ни «последних». «Человечество» – это идея, т.е. то, что находится вне времени и пространства, за границами физического мира. «Человечество» как идея – это то, что должно быть всегда. Воистину, это достойно удивления.

Таким образом, перед нами примеры «вечных» метафизических вопросов, с которых начинается и которыми заканчивается любая философия и любая наука. И как мы видим, необходимость их осмысления появляется у человека очень рано, в возрасте «от двух до пяти».

Итак, что же побуждает детей философствовать? Началом любого философствования является удивление как мощная интеллектуальная интенция. При этом удивление – это не абстрактное философское начало, свойственное мышлению при постановке фундаментальных вопросов бытия, а первичный метафизический опыт, переживание, связанное с непосредственным ошеломляющим воздействием на нас окружающего мира. В своем удивлении и вопрошании ребенок проявляет себя как наивный философ. Наивное философствование ребенка является практическим и наглядным, это своего рода перформанс. Как известно, это излюбленные способы философствования Сократа, Диогена Синопского.

В книге американского философа Г.Б. Меттьюза «Философия и маленький ребенок» [10], шестилетний Тим спрашивает: «Папа, как мы можем убедиться, что все вокруг нас – не сон?», он тем самым поднимает один из самых старых и наиболее затруднительных философских вопросов. А когда позже Тим стремится заверить своего отца, что «если бы это был сон, мы бы не пытались выяснять, сон это или нет», он тем самым предлагает свое решение этой проблемы, которое может быть даже гораздо более конструктивно, нежели решения Платона или Декарта, считает Меттьюз.

В своем исследовании американский философ приходит к выводу, что такие непосредственные экскурсы в философию вполне обычны для детей между тремя и семью годами, а что касается детей более старшего возраста, то приходится констатировать, что даже среди восьми- и девятилетних, это становится редкостью. «Моя гипотеза заключается в том, – пишет Меттьюз, – что, как только дети хорошо осваиваются в школе, они узнают, что от них ждут, прежде всего, “полезные” вопросы, т.е. “полезные” с точки зрения того или иного предмета изучения. “Детская философия” тогда либо уходит в подполье, либо становится абсолютно непродуктивной» [11, р. 7].

К сожалению, дети как наивные философы, не встречают со стороны взрослых должного понимания и внимания к поставленным им проблемам. Недоумение, ирония, софистика, различного рода отговорки со стороны взрослых формируют в сознании ребенка своего рода табу на данные области размышлений. Налицо противоречие между так почитаемым взрослым рефлексивным (опосредованным) умом и наивным (непосредственным) умом ребенка. Вообще наивность – это естественность (в противовес искусственности), непосредственность, «детскость». Согласно И. Канту,

наивность – это восстание естественной искренности человека против ставшего второй природой искусства притворяться. В этом плане наивность можно понимать как критику чистого разума, который большей частью подвержен симуляции. Симулировать в этом смысле означает «знать», но при этом не задумываться об истоках и основаниях своего знания, не заботиться о его добывании с помощью мобилизации собственных познавательных ресурсов, имеющихся в наличии.

Рассмотрим случай из другой книги Г.Б. Меттьюза «Философия детства». Кристине пять лет, она учится читать. Она научилась распознавать и произносить слоги, выделяя их в словах. Она весьма гордится своими успехами в этом. Разговаривая с отцом, она заявляет: «Я так рада, что у нас есть буквы». Отец Кристины был несколько удивлен таким специфическим поводом для радости. «Почему?» – спросил он. «Потому что если бы не было никаких букв, то не было бы никаких звуков, – объяснила Кристина. – Если бы не было звуков, не было и слов... Если не было бы никаких слов, мы не могли бы думать... и если бы мы не могли бы думать, не было никакого мира» [11, р. 16].

Зададимся вопросом: насколько укоренен и «узаконен» феномен философствующего ребенка в культуре? Ответить на этот вопрос мы сможем, если нам будут ясны социокультурные смыслы детства вообще. То, что детство – это «счастливая и беззаботная пора», наполненная безграничной фантазией и творчеством – это, во многом, выдумка взрослых, которые уже основательно забыли о том, что значит быть ребенком. Детство как социокультурный феномен – это жизнь на грани, на пределе, это жизнь полная неопределенности и изменчивости настоящего, окутанная тайной будущего, жизнь на грани небытия. Богатая культурная традиция человечества дает нам ужасающие примеры равнодушия и пренебрежения к детям, чувства неловкости и даже «неприличия» по поводу того, что дети вообще существуют. Веками детей мыслят пребывающими вне культуры. Детство рассматривается как состояние «неполноценности». Детоубийство веками не считают преступлением. Как утверждает Ф. Арьес, веками в европейском сознании не существовало категории детства как особенного качественного состояния человека. В детстве видели краткий переходный период к взрослому состоянию [1].

Однако в христианской культуре, наследниками которой мы являемся, отношение к детству качественно изменяется, прежде всего, в философском, метафизическом плане. Обратимся к знаменитой цитате из Библии: «Ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царствии Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его среди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное. Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царствии Небесном. И кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот и Меня принимает» (Мф. 18: 1-5). «Духовное содержание детства, – пишет В.В. Зеньковский, – не может быть охарактеризовано как низшая, предварительная фаза духовного развития. Дитя не только не стоит ниже нас, но, по словам Христа, мы не можем достигнуть идеала, если не станем как дети, и это значит, что детская духовная жизнь, духовная организация как тип ближе стоит к идеалу, чем наша» [6, с. 158]. Получается, что дитя с христианской точки зрения «неотмирнее взрослого» (А.Г. Кислов), а потому, как бы это сказали русские философы, дитя видит мир более софийно. А любовь к Софии, фило-София есть поэтому детское занятие взрослых, их воспоминание и сохранение в себе близости к Софии.

Итак, с одной стороны, ребенок – «недоразвитое», «неполноценное» существо по сравнению с взрослым, с другой стороны, ребенок обладает неким «даром», который утрачивает взрослый. В связи с этим, в культуре господствует покровительственное отношение к ребенку, которое укрепляется в житейском обиходе миллионов людей, но

наряду с этим, существует некое смутное представление о чистоте и святости ребенка, уходящее корнями в истоки христианской культуры. Такого рода «патернализм» и «романтизм», находясь в противоречивом единстве, определяют социокультурные смыслы детства, укоренившиеся в современном обществе.

Нетрудно заметить, что культурная традиция парадоксальным образом игнорирует значимость феномена философствующего ребенка. Но в таком случае – это «культура безмолвствующего ребенка». Конечно, повсеместно слышен «детский лепет», дети активно осваивают мир, стараясь мудро не замечать, что он подстроен под взрослого, а им отведена в этом мире второразрядная роль. Именно это внушаемое культурой чувство неполноценности толкает ребенка во «взрослую» жизнь, порождает у него иллюзию мудрости взрослого, его полной свободы, самодостаточности и автономии. Взрослая жизнь смутно представляется ребенку как преодоление собственной неполноценности. То, чего нет у ребенка, – с избытком у взрослого. Однако справедливо и обратное. Никто не станет всерьез утверждать, что мудрость, любовь, счастье, стремление к красоте, доброта – это то, что просто приходит по мере взросления. Мы полагаем, что для понимания этого не существует никаких возрастных ограничений, эти темы актуальны для любого возраста. Так почему же в социокультурном пространстве господствует приоритет «взрослой» интерпретации данных тем, хотя именно в детстве, возможно, необходимо что-то основательно додумать, осмыслить, прочувствовать, без робости, страха и суеты по отношению к тому, что не успеешь повзрослеть? Ведь именно в детстве решать многие «детские» проблемы гораздо проще, чем потом, когда станешь взрослым. Видимо наивное философствование – это самый естественный и безболезненный выход из «калечащего кошмара бытия» (Ж.-П. Сартр), которым, к сожалению, в полной мере посчастливилось воспользоваться далеко не многим.

Рассмотрим еще один эпизод из книги Г.Б. Меттьюза «Философия детства». Однажды молодая мать обратилась к автору этой книги за советом по поводу разговора со своим 4-х летним сыном. Мальчик был под впечатлением общения со своим дедушкой, который был при смерти (как выяснилось, дедушка умер неделю спустя). По пути домой мальчик сказал матери: «Когда люди, больны и готовы умереть, как дедушка, их убивают?» Мать была потрясена: «Конечно, нет, – ответила она, – полиция бы этого не допустила». Мальчик некоторое время находился в раздумье, а затем сказал: «Возможно, это можно было бы сделать с помощью лекарств» [11, р. 28].

Вполне вероятно, что этот четырехлетний ребенок видел или слышал о том, как некоторых серьезно больных или покалеченных домашних животных «избавляли», как говорится, от страданий, умерщвляя. Почему же не поступить так с дедушкой? Ведь именно это чувство движет врачами, которые вводят смертельные дозы лекарств умирающим пациентам, чтобы избавить их от страданий, именно это чувство заставляет многих согласиться, что эвтаназия при определенных обстоятельствах, может быть не только этически оправдана, но и обязательна. В принципе, нет никакой возрастной границы, утверждает Меттьюз, до достижения которой человек не в состоянии обсуждать проблему эвтаназии, как впрочем, и все остальные философские проблемы.

Мы полагаем, что признание значимости феномена философствующего ребенка в социокультурном пространстве позволяет увидеть всю условность границы «взрослый – ребенок» в свете глубоких философских проблем. Значимость же исследования наивного философствования заключается в возможности непосредственного изучения тех специфических состояний интеллектуальных открытий, которые переживал когда-то каждый, будучи ребенком, но почему-то совсем забыл об этом, когда стал взрослым, хотя то, что он тогда открыл, понял и высказал, по сути, сформировало его взрослую жизнь.

Во-первых, будет бессмысленным предположение, что просто на основании созревания, неким стандартным способом, подростки или взрослые достигают соответствующего уровня зрелости в обработке философских вопросов, а ими дети начинают интересоваться очень рано.

Во-вторых, для любого исследователя, столкнувшегося с феноменом наивного философствования, очевидно, что эти вопросы и интерпретации отличаются такой новизной и изобретательностью, которая не всегда доступна взрослым, даже наделенным хорошим воображением. Конечно, изобретательность в постановке, обсуждении и решении философских вопросов – это не единственный критерий. Дисциплина и строгость мышления – это тоже важный фактор. А как раз дети, считается, менее дисциплинированы и менее строги в плане мышления, чем взрослые. Однако зрелость приносит с собой своего рода «познавательную апатию» и стандартность мышления, это тоже нельзя не учитывать.

В-третьих, как свидетельствует Меттьюз, студенты колледжа быстро узнают, пройдя курс философии, как нелегко избавиться от «стандартных» доводов, даже на время и даже для какой-то определенной исследовательской цели [11, р. 18]. Наш собственный опыт преподавания философии в университете подтверждает это. Для взрослых избавиться от «стандартных» доводов тем более трудно. Дети же сталкиваются с гораздо меньшим числом подобных проблем. Попытка «начинать все сначала», по сути, и означает возрождение в себе детской наивности мышления. Это, конечно же, трудно для взрослых, но ведь у детей такой проблемы вообще нет.

Подобно тому, как некую сумму знаний и опыта можно просто усвоить, как «материал к сведению», а можно, пропустив сквозь себя, сделать компонентой мировоззрения и способом преобразования мира, так и философия может быть данью моде или идеологической и догматической конструкцией, а может заложить основы подлинной философской культуры мышления и образа жизни.

Человеку необходим добрый советчик, попутчик, «другой», который не являлся бы для него ни воспитателем, ни учителем, в привычном понимании их социального статуса и роли. Этим другим может стать философ. Философия, в таком случае, может предстать в несколько нетрадиционном образе. Она будет являться совокупностью принципов и практических навыков, которые человек имеет в своем распоряжении или предоставляет в распоряжение других с тем, чтобы иметь возможность должным образом проявлять заботу о себе и других (в экзистенциальном понимании понятия «забота»).

Сам философ при этом, как проводник в культуре, «другой», перестает быть «профессиональным» философом (ученым, исследователем, теоретиком), он превращается в жизненного советчика, который по любому поводу рекомендует не общие модели и системы знаний (освещая тем самым еще больше ответвлений лабиринта культуры), а советы, подходящие для каждой конкретной ситуации (т.е. то, что дает возможность идти по лабиринту). Таким образом, философия может быть интегрирована в повседневный образ жизни человека. Для простого человека значима именно такая «философская практика». При этом философствование будет играть для интеллекта такую же роль, какую спортивная игра выполняет для развития мускульно-двигательной системы. Мы нередко встречаем людей образованных, но мыслящих плохо, не умеющих рассуждать. Но мы не можем себе представить разумно мыслящего человека, который не владел бы определенным количеством содержательного знания, которое надлежит знать разумной личности. На наш взгляд, в приобщении к философии главной проблемой является неумение правильно расставить акценты.

Мы считаем также, что приобщать к философии можно в самом раннем возрасте. Между мышлением ребенка и взрослого, по большому счету, не существует

«пропасти». Конечно же, есть разница в опыте, словарном запасе, количестве информации и т.п., но не в самой способности мыслить. Человек в течение всей своей жизни опирается на то же самое ядро первичных навыков рассуждения, которое было сформировано в детстве. Любая, даже самая сложная, «научнообразная» конструкция опирается на сравнительно небольшой набор ментальных актов и навыков обоснованного рассуждения. Исходя из этого, мы утверждаем, что без способности допускать, предполагать, сравнивать, делать вывод, противопоставлять, объяснять и т.п., наши базовые знания и умения лишаются необходимого развития.

Как известно, на современном этапе одной из приоритетных задач является обеспечение доступности качественного образования, что предполагает смещение акцентов с усвоения фиксированного объема знаний на умение самостоятельно мыслить и рассуждать, самостоятельно добывать знания. Кроме того, доступность предполагает выработку для каждого ребенка индивидуальной образовательной траектории в соответствии с его способностями и склонностями. Мы считаем, что решение этой задачи невозможно без всестороннего исследования феномена философствующего ребенка и использования его результатов в теории и практике образования.

Библиографический список

1. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999.
2. Борисов С.В. «Человек философствующий»: исследование современных моделей философской пропедевтики. М.: ПЕР СЭ, 2005.
3. Борисов С.В. Феномен детского философствования и перспективы образования // «Alma mater». Вестник высшей школы. 2005. № 7. С. 27-34.
4. Борисов С.В. Эпистемология наивного философствования. М.: Компания «Спутник +», 2007.
5. Воробьева Л.И. Ребенок и взрослый в классической и гуманитарной психологии // Мир психологии. 1996. № 1. С. 8-23.
6. Зеньковский В.В. Психология детства: учебное пособие для вузов. Екатеринбург: Деловая книга, 1995.
7. Кислов А.Г. Социокультурные смыслы детства. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998.
8. Чуковский К.И. От двух до пяти // Чуковский К.И. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1.
9. Юлина Н.С. Философия для детей. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2005.
10. Matthews G.B. Philosophy and the Young Child. L.: Harvard University Press, 1980.
11. Matthews G.B. The Philosophy of Childhood. L.: Harvard University Press, 1994.